

Васюков Виталий Федорович

профессор кафедры уголовного права,
уголовного процесса
и криминалистики Московского
государственного института
международных отношений
(университета) МИД России,
доктор юридических наук, профессор

Российская Федерация
Москва

119454, Москва, проспект Вернадского, 76

Vasyukov Vitaly F.

Professor of the Department of Criminal
Law, Criminal Procedure and
Criminalistics at the Moscow State
Institute of International Relations
(University) Russian Ministry
of Foreign Affairs,
Doctor of Law, Professor

Russian Federation
Moscow

119454, Moscow, 76 Vernadsky Avenue



Статья
поступила
в редакцию:
18.06.2026
одобрена после
рецензирования:
30.07.2026
принята к публикации:
21.09.2026

✉ vvf0109@yandex.ru

SPIN-код (РИНЦ) 2437-8810

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0743-5616>

Работа выполнена без финансового спонсорства

УДК 341.4

Транснациональная организованная преступность: от дефиниции к инструментам противодействия

Transnational organized crime: from definition to instruments of counteraction

Аннотация. Актуальность. Транснациональная организованная преступность остается одной из наиболее опасных угроз международной и национальной безопасности, тогда как единое и юридически работающее определение этого явления до сих пор не выработано, а цифровая трансформация криминальных рынков ставит перед уголовно-правовой наукой новые вопросы.

Цель. Раскрыть дефиниционную проблему транснациональной организованной преступности в ее методологическом, сравнительно-правовом и региональном измерениях и определить место понятийного аппарата в системе средств противодействия.

Методы. Используются историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический и системно-структурный методы, а также анализ международных документов и материалов Управления ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН) и Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ).

Результаты. Транснациональная организованная преступность обоснована как вид организованной преступности, соотносящийся с ней как вид с родом. Предложена двухуровневая понятийная модель, разграничивающая инвариантное ядро признаков, подчиненное требованию определенности уголовного закона, и переменный слой, которым предопределяется выбор средств противодействия. На этой основе инструментарий противодействия систематизирован по признакам понятия, установлены пределы применимости отдельных его групп и сформулирован критерий действенности такого инструментария применительно к условиям Азиатско-Тихоокеанского региона.

Ключевые слова: транснациональная организованная преступность, транснациональность, принцип определенности уголовного закона, понятийная модель, кибермошенничество, бенефициарное владение, возврат активов, оперативно-розыскная деятельность, противодействие организованной преступности.

Abstract. Background. Transnational organized crime remains one of the most serious threats to international and national security, yet a single workable legal definition has not been achieved, while the digital transformation of criminal markets raises new questions for criminal-law scholarship.

Objective. To examine the definitional problem of transnational organized crime in its methodological, comparative-legal and regional dimensions and to locate the conceptual apparatus within the system of counteraction tools.

Methods. Historical-legal, comparative-legal, formal-legal and systemic-structural methods, together with analysis of international instruments and UNODC and FATF materials.

Results. Transnational organized crime is substantiated as a species of organized crime related to it as species to genus. A two-tier conceptual model is proposed, distinguishing an invariant core of features, governed by the requirement of legal certainty, from a variable tier that determines the choice of countermeasures. On this basis the toolkit of counteraction is systematized by the features of the concept, the limits of applicability of its individual groups are established, and a criterion of its effectiveness is formulated with regard to the Asia-Pacific region.

Keywords: transnational organized crime, transnationality, principle of legal certainty (*lex certa*), conceptual model, cyber-enabled fraud, beneficial ownership, asset recovery, operational-search activity, countering organized crime.

Для цитирования: Васюков В.Ф. Транснациональная организованная преступность: от дефиниции к инструментам противодействия // Научные исследования преступления и наказания. – 2026. – № 3 (7). – С. 6–16.

For citation: Vasyukov Vitaly F. Transnational organized crime: from definition to instruments of counteraction // Scientific Crime and Punishment Research Journal. – 2026. – No 3 (7). – P. 6–16.

Введение. Содержательное раскрытие правового феномена начинается с определения его исходных признаков. Такой подход предполагает, что изучаемое явление обладает хотя бы относительной устойчивостью и может быть описано через совокупность повторяющихся характеристик. Применительно к транснациональной организованной преступности уже этот начальный этап анализа оказывается существенно осложненным.

На протяжении нескольких десятилетий ни научное сообщество, ни органы уголовной юстиции, ни международные организации не выработали единого подхода к объему и содержанию данного понятия. Различия сохраняются как в понимании самой организованности преступной деятельности, так и в оценке признаков, придающих ей транснациональный характер. Акцент делается то на устойчивости и структурированности преступных связей, то на характере нелегального рынка, способах извлечения дохода, трансграничном движении людей, товаров, денежных средств или информации.

Определение транснациональной организованной преступности потому и не сводится к терминологической задаче, что затрагивает более широкий методологический вопрос о том, каким образом правовая наука должна описывать явление, имеющее одновременно уголовно-правовое, криминологическое, экономическое и международно-правовое значение. Чем шире эмпирическая база такого явления, тем труднее обеспечить баланс между полнотой его охвата и необходимой определенностью используемых признаков.

Принятие Палермской конвенции¹, закрепившее в международном праве одно из возможных решений, не сняло, а скорее обнажило фундаментальные методологические трудности, сопряженные с попыткой подвергнуть юридической формализации крайне разнородное по своей природе социальное явление.

Основное содержание. Организационно-правовое оформление представлений об организованной преступности в зарубежной доктрине XX века развивалось по двум ключевым направлениям. Американская модель, пройдя путь от концепции общенациональной иерархии и теории «этнического заговора» [23], воплотилась в Законе RICO 1970 г., где понятие «предприятия» перенесло предмет уголовно-правовой оценки

¹ Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 55/25 от 15.11.2000) // Управление ООН по наркотикам и преступности (Office on Drugs and Crime) : [сайт] – 2026. – URL: <https://www.unodc.org/unodc/en/organized-crime/intro/UNTOC.html> (дата обращения: 30.08.2026).

с единичных деяний на устойчивую схему преступной деятельности, предопределив конструкцию статьи 2 Палермской конвенции [24]. Итальянская модель (Закон Рогноне – Ла Торре 1982 г., ст. 416-bis УК Италии) нормативно закрепила специфику мафиозного объединения через силу устрашения, подчинение и омерту, сместив фокус с этнического происхождения на характер преступного воздействия, а гибель Дж. Фальконе и П. Борселлино [16] стимулировала интернационализацию антимафиозного инструментария.

В отечественной науке фундаментальные основы учения об организованной преступности сформированы трудами А.И. Гурова [2; 3], Я.И. Гилянского [1], В.Н. Кудрявцева [6], В.А. Номоконова [9], а специфика преступлений международного характера – исследованиями И.И. Карпеца [5]. Прикладную оперативно-розыскную основу противодействия сформировали работы С.С. Овчинского [10], В.С. Овчинского, В.Е. Эминова, Н.П. Яблокова [11], Д.А. Летунова [7] и Г.Ф. Маслова [8].

Понятие транснациональной организованной преступности сформировалось в недрах международных институтов. Поворотное значение приобрела Неаполитанская политическая декларация 1994 года, заложившая основу для принятия в 2000 году Палермской конвенции, где решающую роль в обеспечении консенсуса сыграла итальянская дипломатия.

Понятие транснациональной организованной преступности явилось продуктом длительной правовой и политической конвергенции существенно различных национальных доктрин и не сводится к переносу какой-либо одной из них на международный уровень. Не воспроизводя в чистом виде ни американскую модель преступного предприятия, ни итальянскую модель мафиозного объединения, ни советскую модель преступного сообщества, оно представляет собой результат компромисса, в котором каждая правовая традиция оставила свой след, но ни одна не получила безусловного приоритета. Этим компромиссным характером и предопределяются методологические трудности, рассмотрению которых посвящено дальнейшее изложение.

Исходный тезис, обоснованию которого надлежит уделить особое внимание, состоит в том, что транснациональная организованная преступность не образует единого, однородного с уголовно-правовой точки зрения явления. Под общим наименованием объединяются феномены, различающиеся по структуре участников, характеру осуществляемой деятельности, географическому размаху, применяемым средствам и социально-экономическим последствиям. Данное обстоятельство объясняет и сложность выработки единого определения, и неизбежно компромиссный характер всякого такого определения, и невозможность построения строгой типологии в духе классической систематики.

Прежде всего речь идет о структурной разнородности рассматриваемых объединений – о существенных различиях между традиционными сообществами (от иерархичной Коза Ностры [16] и полуправовой якудзы [17] до децентрализованных китайских триад¹ и контролирующей территории латиноамериканских картелей) и современными кибермошенническими сетями Юго-Восточной Азии, соединяющими черты промышленного предприятия с предоставлением преступности в качестве услуги. Подобная разнородность не позволяет вывести единый признак организованности, равно применимый ко всем типам

¹ Hong Kong, Societies Ordinance (Cap. 151); Organized and Serious Crimes Ordinance (Cap. 455). См. также: Chin K.-L. Triad Societies in Hong Kong // Transnational Organized Crime. 1995. Vol. 1, No. 1. P. 47–64 // Электронное законодательство Гонконга (Hong Kong e-Legislation) : [сайт] – 2026. – URL: <https://www.elegislation.gov.hk/hk/cap151>; <https://www.elegislation.gov.hk/hk/cap455> (дата обращения: 30.08.2026).

объединений. Отсюда и намеренно открытый характер определения, закрепленного в статье 2 Палермской конвенции, которое оперирует формулой структурно оформленной группы в составе трех или более лиц, существующей в течение определенного периода и действующей согласованно с целью совершения серьезных преступлений. Каждый элемент этой формулы – структурная оформленность, количественный состав, относительная устойчивость, согласованность действий – допускает значительные расхождения в реальном содержании. Конвенция не описывает определенный тип преступной организации, а очерчивает родовое понятие, под которое могут быть подведены принципиально различные виды объединений [14, с. 23].

Описанная структурная разнородность тесно переплетается с функциональной и географической спецификой нелегальных рынков. Однако сегодня все эти традиционные формы неоднородности многократно усугубляются новым фундаментальным фактором – переходом в цифровую среду. Технологическая трансформация криминальных рынков смещает организационное построение преступных формирований от территориальной иерархии к гибким сетевым сервисным моделям, где координация, расчеты в цифровых активах и сокрытие следов осуществляются удаленно.

Отсюда и методологическая сложность выработки универсального и одновременно практически применимого определения. Уголовно-правовые признаки должны быть достаточно определенными, чтобы обеспечивать предсказуемость правоприменения, но пригодными для описания широкого спектра современных криминальных практик. Слишком узкое определение оставляет за пределами анализа новые сетевые и технологически опосредованные формы преступной деятельности, тогда как чрезмерно широкая формула создает риск неоправданного расширения уголовно-правовой оценки [19].

Неоднородность, однако, не препятствует теоретическому обобщению – напротив, она подтверждает необходимость обобщающих правовых категорий, способных фиксировать общие признаки явлений, существенно различающихся по конкретным формам проявления. Назначение такой категории состоит не в устранении различий между отдельными видами преступной деятельности, а в выявлении их повторяющихся признаков, к числу которых относятся устойчивость преступных связей, распределение ролей, ориентация на извлечение материальной выгоды, использование трансграничных возможностей, вовлечение легальной экономики и способность адаптироваться к мерам противодействия. Общее понятие при таком подходе не подменяет специальные признаки отдельных форм преступности, а создает основу для их дальнейшего анализа.

Дальнейшее изложение требует строгого разграничения уголовно-правового и криминологического аспектов понятия организованной преступности. В правовой плоскости категория «организованная группа» служит основанием для квалификации деяний, применения специальных процессуальных мер и инструментов международного сотрудничества [20]. Поскольку уголовный закон требует строгой формальной определенности, компромиссные международно-правовые формулировки порождают риск расширительного толкования. На национальном уровне это выражается в доктринальных и практических трудностях интерпретации признака «структурированности» (ч. 4 ст. 35 УК РФ) [14]. В доктрине справедливо отмечается, что данный признак не всегда обладает достаточной степенью нормативной определенности, поскольку требует установления внутреннего строения преступной структуры, характера связей между ее участниками, распределения функций, устойчивости управления и согласованности действий. Содержание и пределы признака структурированности обстоятельно рассматриваются в работах

А.В. Иванчина и Н.Е. Зайчиковой [4, с. 34], А.В. Шеслера [12, с. 228] и других представителей современной уголовно-правовой науки.

Криминологический анализ ориентирован на объяснение реальной динамики нелегальных рынков и механизмов адаптации преступных сетей. Научная доктрина закономерно эволюционировала от восприятия организованной преступности как жестко централизованной иерархии (Д. Кресси [15]) к более гибким сетевым и рыночным моделям (П. Ройтер, Д. Смит и др. [22; 23]). Такой исследовательский ракурс позволяет анализировать современные формы криминальной кооперации вне строгих рамок нормативных дефиниций, концентрируясь на ситуативных связях, распределении рисков и экономической природе транснациональной преступной деятельности [18].

Палермская конвенция, как обоснованно отмечают Ф. Кальдерони [13] и Т. Обоката [21], занимает в этом вопросе взвешенную позицию. Закрепленная в статье 2 формулировка предназначена прежде всего для целей международного сотрудничества, национальной криминализации и согласования базовых подходов государств, а потому задает минимально необходимые признаки организованной преступной группы, не стремясь исчерпывающе описать транснациональную организованную преступность как социальное, экономическое и криминологическое явление.

Это позволяет последовательно разграничивать два значения рассматриваемого понятия. Когда речь идет о криминализации, выдаче, взаимной правовой помощи, конфискации и иных юридически значимых последствиях, используется правовая категория, основанная на статье 2 Палермской конвенции и ее реализации в национальном законодательстве. При характеристике самого феномена, его масштабов, структуры, географии, источников дохода и динамики развития применяется криминологическая категория, опирающаяся на эмпирические данные, сравнительный анализ и социологическое объяснение. Разграничение это имеет принципиальное значение для построения дальнейшего изложения, поскольку предотвращает смешение уровней анализа. Правовая категория требует определенности и пригодности для правоприменения, криминологическая – гибкости, достаточной для описания изменяющихся форм преступной деятельности, включая сетевые модели, трансграничные финансовые связи, цифровые сервисы и технологически опосредованные способы сокрытия преступных доходов.

Сказанное открывает путь к разрешению дефиниционной проблемы. Отказ от единой формулировки не означает отказа от определения как такового – он означает лишь непригодность одноуровневой конструкции, в которой все признаки явления помещаются в один ряд и наделяются одинаковой нормативной нагрузкой. Именно такая конструкция и порождает противоречие между требованием определенности уголовного закона и потребностью охватить широкий спектр криминальных практик.

Обоснованным представляется построение двухуровневой понятийной модели, в которой признаки разделены по выполняемой ими функции.

Первый уровень образует инвариантное ядро – совокупность признаков, сохраняющихся при любой форме проявления явления и потому пригодных для уголовно-правовой оценки. Таких признаков пять. Прежде всего, это устойчивость и предварительная согласованность связей между тремя и более лицами, сохраняющаяся за пределами отдельного преступного эпизода. К ней примыкает функциональная специализация участников, при которой отдельный участник не обладает полнотой сведений о деятельности объединения в целом. Третьим выступает корыстная направленность, выражающаяся в систематическом извлечении материальной либо иной выгоды как основной цели деятельности. Четвертый признак образует юрисдикционная

множественность, когда различия национальных правопорядков, платежных режимов и уровней правоохранительного контроля используются не случайно, а как самостоятельный ресурс преступной деятельности. Наконец, воспроизводимость означает способность объединения продолжать деятельность при замене отдельных участников, утрате отдельных ресурсов или пресечении отдельных эпизодов.

Второй уровень образует переменный слой – признаки, определяющие конкретную форму проявления явления и не входящие в состав, но имеющие решающее значение для выбора средств противодействия. Это организационная форма (иерархическое объединение, распределенная сеть либо сервисная модель, при которой отдельные элементы преступной деятельности предлагаются как самостоятельные услуги), характер ресурсной базы (контроль над территорией, легальная предпринимательская инфраструктура либо цифровые сервисы), способ обращения преступных доходов (наличный оборот, подпольные банковские сети, неформальные платежные системы, криптоактивы) и тип принуждения, применяемого к участникам и потерпевшим.

С учетом изложенного транснациональная организованная преступность может быть определена как вид организованной преступности, представленный устойчивыми объединениями трех и более лиц с распределенными функциями, систематически извлекающими материальную выгоду от совершения серьезных преступлений и использующими различия национальных юрисдикций, финансовых режимов и уровней правоохранительного контроля в качестве самостоятельного условия своей деятельности, сохраняя способность к воспроизводству при замене участников и изменении организационной формы, ресурсной базы и способов обращения преступных доходов.

Предложенная конструкция снимает отмеченное противоречие за счет разграничения функций двух уровней. Ядро несет нормативную нагрузку и поэтому подчинено требованию определенности, вследствие чего не расширяется по мере появления новых криминальных практик, поскольку описывает не способы, а условия существования преступного объединения. Переменный слой несет аналитическую нагрузку и сохраняет открытый характер, изменяясь вместе с явлением и не затрагивая пределов уголовно-правовой оценки.

Существенно, что переменный слой не является описательным дополнением к определению. Он выполняет прикладную функцию, поскольку именно им предопределяется выбор инструментов противодействия. Одному и тому же ядру признаков при различном наполнении переменного слоя соответствуют принципиально различные средства выявления, пресечения и доказывания. Тем самым понятийная модель непосредственно переходит в инструментальную.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о соотношении общего понятия организованной преступности и его специфического продолжения – транснациональной организованной преступности. Вопрос этот имеет не только теоретическое, но и существенное практическое значение, поскольку влечет последствия для воплощения международных стандартов на национальном уровне и для определения сферы действия универсальных инструментов сотрудничества.

В рамках Палермской конвенции транснациональность характеризует пространственно-юрисдикционную связь преступления с несколькими государствами и выступает универсальным критерием для применения механизмов международного сотрудничества (ст. 3). В условиях глобализации и цифровизации этот признак трактуется достаточно широко, однако наличие внешнего элемента не должно подменять анализ базовых характеристик организованной преступной деятельности. Во избежание неоправданного расширения понятия Конвенция закрепляет принцип универсальной

криминализации (ст. 34), обязывающий государства устанавливать ответственность за основные деяния во внутреннем праве независимо от их трансграничного характера. Транснациональная организованная преступность, следовательно, представляет собой не качественно обособленный феномен, а специальную разновидность организованной преступности как таковой [14, с. 23], и эффективное противодействие ей концептуально базируется на криминализации соответствующих деяний безотносительно к их транснациональному компоненту.

Граница между внутригосударственной и транснациональной организованной преступностью практически стерта. По мере глобализации финансовых рынков, нарастания миграционных потоков и развития цифровой экономики едва ли не всякая значимая преступная деятельность обретает трансграничные черты, даже когда все непосредственные исполнители находятся в одной юрисдикции [25, с. 61].

Это обстоятельство актуализирует вопрос о способности конвенционного режима учитывать современные формы организованной преступной деятельности. Статья 3 Палермской конвенции была сформулирована применительно к модели трансграничной преступности, в которой пространственная связь с несколькими государствами выражалась преимущественно через территорию совершения деяния, место подготовки, руководство, контроль, деятельность организованной группы либо наступление последствий. Цифровизация криминальных формирований существенно расширила формы такой связи, которая проявляется через использование зарубежной серверной инфраструктуры, трансграничных платежных каналов, облачных хранилищ данных, удаленных операторов, нелегализованных финансовых посредников и распределенных цифровых сервисов.

Проблема, таким образом, состоит не столько в возможном обновлении статьи 3, сколько в выработке такого ее толкования, которое позволяло бы учитывать новые способы трансграничной организации преступной деятельности без неоправданного расширения сферы действия Конвенции. Формальное изменение соответствующей нормы едва ли приведет к качественным переменам, поскольку определение и без того предельно широко. Гораздо важнее разработка дополнительных инструментов международного сотрудничества, специально рассчитанных на новые типы трансграничной преступности, и прежде всего киберпреступной. Именно эту задачу призвана решать Ханойская конвенция ООН против киберпреступности 2024 года, открытая для подписания 25–26 октября 2025 года и являющаяся первым универсальным договором, специально посвященным обмену электронными доказательствами по широкому кругу серьезных преступлений¹.

Трансграничный характер деятельности проявляется также во вложении преступных капиталов в легальные инвестиционные проекты уязвимых юрисдикций через структуры номинальных владельцев, что требует использования концепции бенефициарного владения (ФАТФ, Конвенция ООН против коррупции 2003 г.).

Инструменты противодействия. Практическая ценность предложенной понятийной модели проверяется ее способностью упорядочить инструментарий противодействия. Ниже он рассматривается не как перечень существующих механизмов, а в соотношении с признаками, выделенными в составе понятия. Каждому признаку соответствует

¹ Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе с киберпреступностью; укреплении международного сотрудничества в борьбе с некоторыми преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных технологий, и об обмене доказательствами в электронной форме по тяжким преступлениям : принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 79/243 от 24.12.2024, Ханойская конвенция). Открыта для подписания 25–26 октября 2025 г. // Организация объединенных наций : [сайт] – 2026. – URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-79-243> (дата обращения: 30.08.2026).

определенная группа средств, а пределы их применимости обнаруживаются там, где переменный слой изменяет форму проявления признака.

Устойчивость и воспроизводимость предопределяют требование о переносе предмета правовой оценки с отдельного эпизода на объединение как таковое. Историческим прообразом такого подхода послужила конструкция «предприятие» в законодательстве США, воспринятая затем статьей 2 Палермской конвенции и в известной мере отраженная в части 4 статьи 35 УК РФ. Оперативным выражением того же требования выступают многосторонние операции Международной организации уголовной полиции (International Criminal Police Organization, INTERPOL)¹ – НАЕСН² и Storm Makers³, рассчитанные на одновременное пресечение деятельности связанных объектов, а не отдельных эпизодов. Здесь же обнаруживается и наиболее существенное ограничение. При сервисной модели организации, характерной для мошеннических комплексов Юго-Восточной Азии, участники отдельных звеньев могут не состоять в устойчивой связи друг с другом, поскольку взаимодействуют как самостоятельные поставщики услуг. Доказывание устойчивости в ее традиционном понимании при этом существенно осложняется, что ставит вопрос о признании функциональной, а не персональной устойчивости объединения – устойчивости схемы, а не состава участников.

Корыстная направленность преступной деятельности определяет приоритет финансовых инструментов противодействия. Высокая скорость перемещения цифровых активов обуславливает преимущество неформальных каналов оперативного обмена информацией между подразделениями финансовой разведки и сетями по возврату активов. При этом действенной признается двухканальная схема, где оперативный негласный обмен обеспечивает экстренное блокирование имущества, а официальные механизмы международной правовой помощи – его последующую процессуальную конфискацию.

Юрисдикционная множественность требует инструментов, устранивающих не различия правопорядков как таковые, а издержки их преодоления. Универсальной основой здесь остается статья 3 Палермской конвенции, дополненная в новейший период Ханойской конвенцией ООН против киберпреступности, специально рассчитанной на обмен электронными доказательствами, а на региональном уровне – документами АСЕАН и Совместным заявлением АСЕАН и КНР. Ограничение и на этом направлении носит содержательный характер. Применительно к «уязвимым юрисдикциям» – Шанской специальной области № 2 в Мьянме, особой экономической зоне «Золотой треугольник» в Лаосе, особому административному району Окуси-Амбено в Тимор-Лешти – затруднение состоит не в отсутствии применимой нормы, а в отсутствии субъекта, способного обеспечить ее применение. Международно-правовой инструментарий в таких условиях сохраняет действенность лишь при опоре на механизмы, не требующие участия местного правоприменителя, – прежде всего на контроль трансграничных финансовых потоков и раскрытие бенефициарного владения.

¹ Международная организация уголовной полиции (ИНТЕРПОЛ) : [сайт] – 2026. – URL: <https://www.interpol.int> (дата обращения: 30.08.2026).

² Операция НАЕСН VI (апрель–август 2025 г., 40 юрисдикций; возвращено и изъято около 439 млн долларов США) : Интерпол : [сайт] – 2026. – URL: <https://www.interpol.int/en/News-and-Events/News/2025/USD-439-million-recovered-in-global-financial-crime-operation> (дата обращения: 30.08.2026).

³ Операции Storm Makers против торговли людьми и принудительной криминальной эксплуатации в мошеннических центрах : Интерпол : [сайт] – 2026. – URL: <https://www.interpol.int/en/News-and-Events/News/2025/INTERPOL-releases-new-information-on-globalization-of-scam-centres> (дата обращения: 30.08.2026).

Встраивание в легальную экономику обуславливает переход от уголовно-правовых средств к регуляторным. Нормативной основой выступают стандарты ФАТФ, включая требования к прозрачности переводов виртуальных активов, раскрытию бенефициарных владельцев и механизмам конфискации¹, а также положения Конвенции ООН против коррупции. Значение этого направления определяется рассмотренным выше феноменом инвестиционного проникновения. Структура, юридическое оформление которой безупречно, формально не подпадает под признаки организованной преступной группы по смыслу статьи 2 Конвенции, а потому доступна для правовой оценки лишь через установление действительного бенефициара. Логическим развитием подхода следует признать распространение стандартов проверки на инвестиционные режимы специальных экономических зон, где сочетание льготного порядка допуска капитала с ограниченной прозрачностью собственности образует основное условие закрепления преступной инфраструктуры.

Адаптивность преступных объединений задает итоговое требование ко всей системе инструментов. Поскольку изменение организационной формы, ресурсной базы и способов обращения доходов происходит быстрее, чем пересмотр международных договоров и национального законодательства, центр тяжести противодействия закономерно смещается с материально-правовых конструкций на организационные и технические механизмы, допускающие изменение без изменения нормы. Дополняющее значение сохраняют профильные инструменты УНП ООН – информационно-правовой портал SHERLOC и Программа контроля контейнеров – и региональные структуры, к числу которых относятся Азиатско-Тихоокеанская группа по борьбе с отмыванием денег, АСЕАНАПОЛ и Центр сотрудничества правоохранительных органов в Джакарте².

Изложенное позволяет сформулировать критерий оценки инструментария противодействия. Его действенность определяется не полнотой нормативного охвата и не числом созданных механизмов, а соответствием темпу адаптации преступных структур, то есть способностью выявить финансовый след, заблокировать перемещение активов и обеспечить обмен доказательствами в сроки, сопоставимые со сроками изменения самой преступной схемы. Этим же критерием объясняется наблюдаемое смещение от универсальных конвенционных решений к специализированным, региональным и неформальным формам взаимодействия.

Заключение. Транснациональная организованная преступность не образует единого и однородного явления. Она предстает как компромиссная родовая категория, вобравшая черты американской модели преступного предприятия, итальянской модели мафиозного объединения и отечественной модели преступного сообщества, но не сводимая ни к одной из них. Ее структурная, функциональная, географическая, социально-экономическая и технологическая неоднородность носит неустранимый характер и взаимно усиливается, что и обрекало на неудачу все попытки описать явление одноуровневой дефиницией.

¹ FATF. Targeted Update on Implementation of the FATF Standards on Virtual Assets and VASPs (2025); Asset Recovery Guidance and Best Practices (2025) // Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (The Financial Action Task Force) : [сайт] – 2026. – URL: <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Fatfrecommendations/targeted-update-virtual-assets-vasps-2025.html>; URL: <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Methodsand Trends/asset-recovery-guidance-best-practices-2025.html> (дата обращения: 30.08.2026).

² Азиатско-Тихоокеанская группа по борьбе с отмыванием денег (APG) : [сайт] – 2026. – URL: <https://www.apgml.org> (дата обращения: 30.08.2026); АСЕАНАПОЛ : [сайт] – 2026. – URL: <https://www.aseanapol.org> (дата обращения: 30.08.2026); Договор АСЕАН о взаимной правовой помощи по уголовным делам 2004 г. : Центр сотрудничества правоохранительных органов в Джакарте (JCLEC) : [сайт] – 2026. – URL: <https://jclec.org> (дата обращения 30.08.2026).

Неудача эта, однако, объясняется не природой явления, а конструкцией определения. Разделение признаков по выполняемой ими функции позволяет сохранить и определенность уголовного закона, и полноту охвата, отнеся эти требования к разным уровням понятия. Инвариантное ядро – устойчивость связей, функциональная специализация, корыстная направленность, юрисдикционная множественность и воспроизводимость – описывает условия существования преступного объединения, а не способы его деятельности, и потому не нуждается в расширении по мере появления новых криминальных практик. Переменный слой – организационная форма, ресурсная база, способ обращения преступных доходов и тип принуждения – остается открытым и изменяется вместе с явлением, не затрагивая пределов уголовно-правовой оценки.

В соотношении с общим понятием организованной преступности рассматриваемое явление выступает как вид по отношению к роду. Транснациональность характеризует пространственно-юрисдикционную связь деяния с несколькими государствами и служит основанием применения механизмов международного сотрудничества, но не образует качественно обособленного феномена, чем и предопределен закрепленный статьей 34 Палермской конвенции принцип криминализации соответствующих деяний безотносительно к их трансграничному компоненту.

Прикладное значение предложенной модели состоит в том, что переменный слой определяет выбор средств противодействия. Систематизация инструментария по признакам понятия обнаруживает не только распределение средств по направлениям, но и пределы их применимости. Сервисная организация преступной деятельности затрудняет доказывание устойчивости в его традиционном понимании. Неформальные каналы обмена финансовой информацией выигрывают в скорости, но не порождают допустимых доказательств, что делает необходимой двухканальную схему взаимодействия. В юрисдикциях с ослабленным контролем действенны лишь механизмы, не требующие участия местного правоприменителя. Критерием эффективности инструментария выступает при этом не полнота нормативного охвата, а соответствие темпу адаптации преступных структур.

Опыт Азиатско-Тихоокеанского региона подтверждает, что универсальные стандарты нуждаются в последовательной региональной и национальной адаптации. Существенный разброс показателей криминальности в государствах региона, распространенность территорий с ослабленным юрисдикционным контролем и сервисная организация мошеннических комплексов исключают построение мер противодействия по единому образцу и требуют сочетания сравнительно-правового опыта, данных специализированного анализа, международного информационного обмена и технологически ориентированных методов выявления трансграничных преступных связей.

Теоретическое значение изложенного состоит в обосновании двухуровневой понятийной модели, позволяющей примирить требование *lex certa* с эмпирическим многообразием явления. Практическое значение заключается в предложенном критерии оценки инструментов противодействия и в систематизации последних применительно к условиям Азиатско-Тихоокеанского региона.

Список литературы / References

1. Гилинский, Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 3-е изд., перераб. и доп. Санкт-Петербург: Алеф-Пресс, 2014. 574 с.
Gilinsky Ya.I. Kriminologiya: teoriya, istoriya, empiricheskaya baza, sotsial'nyy kontrol' [Criminology: Theory, History, Empirical Base, Social Control]. 3rd ed. Saint Petersburg, Alef-Press Publ., 2014. 574 p.
2. Гуров, А.И. Организованная преступность – не миф, а реальность. Москва: Знание, 1992. 80 с.
Gurov A.I. Organized Crime Is Not a Myth but a Reality. Moscow, Znanie Publ., 1992. 80 p.

3. Гуров, А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. Москва : Юридическая литература, 1990. 304 с.
Gurov A.I. Professional Crime: Past and Present. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1990. 304 p.
4. Демчук, С.Д. Уголовно-правовые признаки преступного сообщества (преступной организации) и их соотношение с признаками иных форм соучастия // Lex Russica. – 2022. – Т. 75, № 2 (183). – С. 34–45. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.183.2.034-045. EDN: RTSCEQ.
Sergey D. Demchuk, Criminal Law Signs of a Criminal Community (Criminal Organization) and their Correlation with the Signs other Forms of Complicity // Lex Russica. – 2022. – Vol. 75, no. 2 (183). – Pp. 34–45. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.183.2.034-045. EDN: RTSCEQ.
5. Карпец, И.И. Преступления международного характера. Москва: Юридическая литература, 1979. 264 с.
Karpets I.I. Crimes of an International Character. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1979. 264 p.
6. Кудрявцев, В. Н. Преступность и нравы переходного общества. Москва : Гардарики, 2002. 238 с.
Kudryavtsev V.N. Crime and Morals of a Transitional Society. Moscow : Gardariki Publ. 2002. 238 p.
7. Летунов, Д.А. Оперативно-тактические аспекты борьбы с организованной преступностью : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Москва, 2002. 269 с. EDN: YZXSUH.
Letunov D.A. Operational and Tactical Aspects of Combating Organized Crime. Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow, 2002. 269 p. EDN: YZXSUH.
8. Маслов, Г.Ф. Особенности организованной преступности и противодействие ей в условиях Дальневосточного региона : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Хабаровск, 1997. 166 с. EDN: NLIFUH.
Maslov G.F. Features of Organized Crime and Counteraction to It in the Far Eastern Region. Cand. Sci. (Law) Diss. Khabarovsk, 1997. 166 p. EDN: NLIFUH.
9. Номоконов, В.А. Транснациональная организованная преступность: дефиниции и реальность. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. 160 с. EDN: RXHCLZ.
Nomokonov V.A. Transnational Organized Crime: Definitions and Reality. Vladivostok, Far Eastern Univ. Publ., 2001. 160 p. EDN: RXHCLZ.
10. Овчинский, С.С. Оперативно-розыскная информация: теоретические основы информационно-прогностического обеспечения оперативно-розыскной и профилактической деятельности органов внутренних дел по борьбе с организованной преступностью / под ред. А.С. Овчинского, В.С. Овчинского. 2-е изд., доп. Москва : ИНФРА-М, 2024. 415 с.
Ovchinsky S.S. Operational-Search Information. 2nd ed. Moscow, INFRA-M Publ., 2024. 415 p.
11. Основы борьбы с организованной преступностью / под ред. В.С. Овчинского, В.Е. Эминова, Н.П. Яблокова. Москва : ИНФРА-М, 1996. 397 с.
Foundations of Combating Organized Crime. Ed. by V. S. Ovchinsky, V. E. Eminov, N. P. Yablokov. Moscow, INFRA-M Publ., 1996. 397 p.
12. Шеслер, А.В. Формы соучастия в преступлении : отражение в уголовном законе и судебной практике // Вестник Томского государственного университета – 2025. – № 513. – С. 228–233. DOI: 10.17223/15617793/513/26 EDN: HELUCM.
Shesler A.V. Forms of Complicity in a Crime: Reflection in Criminal Law and Judicial Practice. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2025. – No. 513. – Pp. 228–233. DOI: 10.17223/15617793/513/26 EDN: HELUCM.
13. Calderoni F.A Definition That Could Not Work: the EU Framework Decision on the Fight against Organised Crime // European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice – 2008. – Vol. 16. – P. 265–282. DOI: 10.1163/157181708X333346.
14. Calderoni F. Article 2: Use of Terms // The UN Convention against Transnational Organized Crime: A Commentary / ed. by A. Schloenhardt et al. Oxford : Oxford University Press – 2023. – P. 23–48. DOI: 10.1093/law/9780192847522.003.0003.
15. Cressey D.R. Theft of the Nation: The Structure and Operations of Organized Crime in America. New York : Harper & Row, 1969. 367 p.
16. Falcone G., Padovani M. Cose di Cosa Nostra. Milano : Rizzoli, 1991. 179 p.
17. Hill P.B.E. The Japanese Mafia: Yakuza, Law and the State. Oxford : Oxford University Press, 2003. 336 p. DOI: 10.1093/0199257523.001.0001.
18. Lampe K. von. Organized Crime: Analyzing Illegal Activities, Criminal Structures, and Extra-Legal Governance. Thousand Oaks : SAGE Publications, 2016. 480 p. DOI: 10.4135/9781506305110.
19. Maljević A. «Participation in a Criminal Organisation» and «Conspiracy»: Different Legal Models against Criminal Collectives. Berlin : Duncker & Humblot, 2011. 226 p.
20. McClean D. Transnational Organized Crime: A Commentary on the UN Convention and its Protocols. Oxford : Oxford University Press, 2007. 472 p.
21. Obokata T. Transnational Organised Crime in International Law. Oxford : Hart Publishing, 2010. 268 p.
22. Reuter P. Disorganized Crime: Illegal Markets and the Mafia. Cambridge, MA : MIT Press, 1983. 233 p.
23. Smith D. C. The Mafia Mystique. New York : Basic Books, 1975. 384 p.
24. The UN Convention against Transnational Organized Crime: A Commentary / ed. by A. Schloenhardt, F. Calderoni, J. Lelliott, B. Weißer. Oxford : Oxford University Press, 2023. 720 p.
25. Williams P. Transnational Criminal Networks // Networks and Netwars: The Future of Terror, Crime, and Militancy / ed. by J. Arquilla, D. Ronfeldt. Santa Monica : RAND Corporation – 2001. – P. 61–97.